

Терминологические обозначения транскрипции как маркеры когнитивного стиля Е. Д. Поливанова

М. Д. Щепалин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается актуальность терминов и их дефиниций для извлечения информации о стилях мышления предложивших их ученых. Работа носит междисциплинарный характер и демонстрирует способность лингвистических методов, в частности, сопоставительного, дискурсивного и контент-анализа, углублять и расширять знания, полученные методами когнитивной психологии. Источником материала послужили прижизненные публикации Е. Д. Поливанова, а также работы, не предназначавшиеся им для публикации. Были сделаны выводы о полнезависимости мышления Е. Д. Поливанова, гибкости познавательного контроля, а также о том, что узкий или широкий диапазон эквивалентности, узость или широта категорий могут варьироваться в зависимости от решаемых ученым задач.

Ключевые слова: транскрипция, практическая транскрипция, фонетическая транскрипция, Е. Д. Поливанов, когнитивная лингвистика, когнитивные стили, речемыслительные операции

Для цитирования: Щепалин М. Д. Терминологические обозначения транскрипции как маркеры когнитивного стиля Е. Д. Поливанова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 4 (872). С. 129–134. DOI 10.52070/2542-2197_2023_4_872_129

Original article

Terminological Transcription Designations as Markers of E. D. Polivanov's Cognitive Style

Maksim D. Schepalin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Abstract. The author of the article considers the suitability of terms and their definitions for extracting information about the cognitive styles of the scholars who proposed them. The work is interdisciplinary and demonstrates the ability of linguistic methods, in particular comparative, discourse and content analysis, to deepen and extend the knowledge obtained by the methods of cognitive psychology. The source material was drawn from E.D. Polivanov's lifetime publications, as well as from works not intended by him for publication.

Conclusions were drawn about the field independence of E.D. Polivanov, the flexibility of cognitive control, as well as the fact that a narrow or wide range of equivalence, the narrowness or breadth of categories may vary depending on the tasks solved by the scientist.

Keywords: transcription, transliteration, phonetic transcription, E. D. Polivanov, cognitive linguistics, cognitive style, intellect operations

For citation: Schepalin, M. D. (2023). Terminological transcription designations as markers of E. D. Polivanov's cognitive style. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(872), 129–134. 10.52070/2542-2197_2023_4_872_129

ВВЕДЕНИЕ

Тема сознания и мышления в настоящее время активно разрабатывается целым рядом наук: философией, психологией, психофизиологией, лингвистикой. Междисциплинарный подход к изучению мышления, а нас интересует мышление ученого, нам представляется наиболее эффективным, поэтому свои наблюдения над материалом мы соотносили с теоретическими положениями, сформулированными не только лингвистами, но и психологами и философами.

Наиболее доступным способом изучения работы мышления ученого на данный момент является анализ вербализированных результатов его научной деятельности. Анализ текстов, отражающих процесс и результаты научного поиска со стороны конкретных ученых, позволит нам определить индивидуальные и / или культурно сформированные особенности мышления, которые выражаются в тех или иных когнитивных стилях ученого. Под когнитивными стилями мы, вслед за М. А. Холодной, понимаем «индивидуально-своеобразные способы переработки информации, которые характеризуют специфику склада ума конкретного человека и отличительные особенности его интеллектуально-го поведения» [Холодная, 2004, с. 16]. При анализе материала в статье учитывалась классификация когнитивных стилей на основе биполярного подхода, которая была разработана М. А. Холодной, в частности такие параметры, как «полезависимость / полнезависимость», «узкий / широкий диапазон эквивалентности», «узость / широта категорий», «ригидный / гибкий познавательный контроль» [там же]. Кроме этого, мы опирались на классификацию речемыслительных операций, выявленных Ба Юйсинь и О.В. Евтушенко [Евтушенко, Ба, 2016] в процессе изучения словотворчества. Под речемыслительными операциями мы будем понимать особые способы обработки, сохранения и использования результатов отражения объективного мира языковыми средствами. Целью исследования было рассмотрение языковых единиц, способных, согласно нашей гипотезе, выполнять роль маркеров индивидуального когнитивного стиля, и определение объема информации о когнитивном стиле, которую могут нести интересующие нас единицы. Мы также рассчитывали расширить имеющиеся знания о когнитивных стилях.

В качестве языкового маркера когнитивного стиля мы выбрали рабочие термины, использовавшиеся в разное время лингвистом Е. Д. Поливановым для обозначения транскрипции. Выбор такого рода лексической единицы обусловлен многоплановостью понятия «транскрипция» и его

вербальными воплощениями («практическая транскрипция», «фонетическая транскрипция» и т. д.). Это позволяет рассчитывать, что при создании номинации и ее объяснении в тексте могли проявляться особенности когнитивного стиля автора. Личность Евгения Дмитриевича Поливанова (1891–1938) выбрана потому, что, будучи крупнейшим специалистом по созданию алфавитов и транскрипций, он внес значительный вклад в формирование терминологии данной области лингвистики и подкрепил теорию собственными практическими наблюдениями. Деятельность Е. Д. Поливанова хронологически совпадает с переломным для отечественной науки моментом изучения и создания различных систем письменности и способов отражения звукового облика языка в разных письменных системах.

Материалами исследования послужили как прижизненно опубликованные работы Е. Д. Поливанова, например «Проекты латинизации турецких письменностей СССР» [Поливанов, 1926], «О русской транскрипции японских слов» [Поливанов, 1968, с. 263–286], так и те, что не предназначались для публикации, например «Абхазский аналитический алфавит» [Андронов, Симонато, Томеллери, 2017]. В качестве методов исследования мы использовали контент-анализ и сопоставительный анализ.

РАБОЧИЕ ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ТРАНСКРИПЦИИ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Е. Д. ПОЛИВАНОВА

Среди различных типов транскрипций можно выделить практическую транскрипцию, под которой мы понимаем «запись иноязычных слов средствами национального алфавита с учётом их произношения» [Кронгауз, 1990, с. 518]. Е. Д. Поливанов занимался разработкой правил японо-русской практической транскрипции, которая стала нормой русского языка при передаче слов японского происхождения [Алпатов, Аркадьев, Подлесская, 2008; Ермолович, 2015].

Впервые свод данных правил был опубликован в 1917 году. Термин «практическая транскрипция» был назван в нем «популярной транскрипцией»: «...задача всякой транскрипции — передать звуки чужого языка и все существующие в этом чужом языке различия звуков (например, японское различие долгих и кратких гласных, которое в русском не существует). Но а priori нельзя передать не имеющих в данном языке звуков (например, нельзя передать русскими буквами звуков, изображаемых англ. th) и не имеющих в нем различий, не обратившись к условности, т. е.

не пойдя на компромисс с двумя заданиями популярной транскрипции <...> переходя к вопросу о выработке популярной и основанной на ассоциациях русского алфавита транскрипции японских слов»¹ [Поливанов, 1968, с. 264–265].

Из текста видно, что Е. Д. Поливанов имел в виду именно практическую транскрипцию: это отражено в упоминании русского алфавита и того набора звуков, который характерен для сочетания символов данного алфавита, при этом в самом понятии «популярная» отражена массовость и общедоступность транскрипций такого типа. Следовательно, в термине «популярная транскрипция» мы видим проявление такой речемыслительной операции, как детализация, под которой мы понимаем «фокусирование ремы и дефокусирование темы путем выведения ее в аффиксы, а также актуализацию смыслов, не отраженных в дефиниции и связанных с фоновыми знаниями» [Ба, 2017, с. 123].

Для обозначения данного явления Е. Д. Поливанов также использует устоявшееся в современной науке обозначение «практическая транскрипция»: «Об обозначении японских палатализованных согласных в русской *практической транскрипции*» [Поливанов, 1928, с. 169].

Прежде чем продолжить, необходимо уточнить, как формировался термин «практическая транскрипция». Данное обозначение Е. Д. Поливанов использует в статье 1928 года [Поливанов, 1928]. Ряд исследователей относят появление понятия «практическая транскрипция» к 1935 году и приписывают его А. М. Сухотину [Турко, 2014; Гиляревский, Старостин, 1985]. Тем не менее мы не можем согласиться с данным утверждением. В 1928 году впервые данное понятие мы обнаруживаем именно у Е. Д. Поливанова в монографии «Введение в языкознание для востоковедных вузов». По этой причине мы будем трактовать данный термин не как узальный с уже заложенным в нём смыслом, а как результат научного творчества самого Евгения Дмитриевича.

В термине «практическая транскрипция» мы также обнаруживаем такую речемыслительную операцию, как детализация, однако, в отличие от «популярной транскрипции», где фокус внимания сосредоточен на массовости, общедоступности, общеязыковой роли такого типа транскрипций, здесь «практическое» отражает утилитарность данного способа передачи иноязычной лексики.

Готовность к смене базового для развиваемой области знания термина демонстрирует динамичность мышления Е. Д. Поливанова, называемую также «гибким познавательным контролем» [Холодная, 2004]. Термин «популярная транскрипция»

сформировался в 1917 году в период революционного подъема и политизации широких слоев населения. Сам Е. Д. Поливанов был ярким сторонником революции и активно участвовал как в предреволюционных событиях, так и в формировании Советской власти [Сумароков, Сумарокова, 2021]. Всё это отразилось и на понимании транскрипции как способа «популяризации» языков: теперь она была предназначена не узкому кругу специалистов, а широким слоям населения, которые должны были преодолевать языковые барьеры на пути к достижению всеобщего братства.

В 1928 году, когда эпоха НЭПа подходит к концу, а государственная власть становится более централизованной и устойчивой, во главу угла встают более утилитарные задачи, и это изменение системы ценностей нашло отражение в термине «практическая транскрипция». Е. Д. Поливанов в это время активно участвует в проектах создания алфавитов для языков народов Советского Союза [там же]. Изменение общественных запросов и та работа, которую осуществлял Е. Д. Поливанов, отразилось и на его терминологическом аппарате, что и показывает динамичность его мышления.

Помимо «популярной» и «практической» транскрипции мы можем также встретить понятие «русская транскрипция» для обозначения системы Палладия – китайско-русской практической транскрипции [Практическая транскрипция фамильно-именных групп, 2004].

Подтверждение того, что под этим термином скрывается именно практическая транскрипция, мы можем обнаружить в следующих словах ученого: «На основании того, что в *русской транскрипции* слова "рыба" и "дождь" пишутся буквами – ю и й. Следовательно, *если читатель не знает китайской фонетики, то прочтет юй*» [Поливанов, 1991, с. 517]. Здесь обозначено, что такой метод передачи иноязычной лексики, как практическая транскрипция, основывается на особенностях национального (в данном случае русского) алфавита и правил прочтения сочетаний его символов, которые сформировались в рамках данного языка.

«По *неточной русской транскрипции* сопоставления оказываются *совершенно необоснованными фонетически*» [там же, с. 544]. Здесь показано коренное отличие практической транскрипции от фонетической – невозможность точной передачи фонетического облика языка-источника.

«Но ведь если отбросить *условность русской транскрипции* (и пользоваться, напр., МФА²)» [там же, с. 556]. В данной цитате также выражено противопоставление фонетической транскрипции.

¹ Зд. и далее выделено нами. – М. Ш.

² МФА – международный фонетический алфавит.

Как и в предыдущих случаях обозначения практической транскрипции, номинация «русская транскрипция» запечатлевает речемыслительную операцию детализации, которая в данном случае конкретизирует язык-источник. Активность проявления детализации указывает на полнезависимый когнитивный стиль в терминах психологии [Холодная, 2004].

В своих работах Е.Д. Поливанов регулярно ссылается на Л.В. Щербу как на авторитет в области транскрибирования. Это можно обнаружить как в простой уточняющей отсылке к МФА [Поливанов, 1926; Поливанов, 1933а; Андронов, Симонато, Томеллери, 2017], так и в экспрессивном указании на авторитет автора: «...как читатель увидит, новшества, предложенные самим Л. В. Щербой, повторяются, в большинстве случаев, и в вышеприведенной моей (Е. П.) таблице согласных символов (выработавшейся у меня в процессе практической работы) и теоретических возражений против предложенных Л. В. Щербой знаков у меня не имеется...» [Поливанов, 1928, с. 178]. Приведенная цитата демонстрирует такое проявление когнитивных особенностей Е. Д. Поливанова, как ориентация на образцы.

Для мышления Е. Д. Поливанова характерна также практическая ориентированность. Она проявляется как в ранее упомянутом термине «практическая транскрипция», который конкретизирует внимание на утилитарной роли такого типа транскрипций, так и в термине «условная транскрипция». Ученый вводит данное понятие для обозначения ситуации, когда необходимо по тем или иным причинам выйти за границы уже установленных систем транскрибирования, например МФА или национальных алфавитов.

Причины могут носить следующий характер:

- 1) более точное отражение фонемного состава языка, который идёт вразрез с установленной в нём системой письменности: «...w [губно-губное]... Поэтому я и употребляю в моей *условной транскрипции* знак *w*. В каракалпакском письме, конечно, пишется *простой буквой v*» [Поливанов, 1933а, с. 7];
- 2) особенности типографской техники и наличие необходимых литер: «Но само собой разумеется, что поскольку *условности транскрипции оговорены*, мы имеем полное право *принять во внимание требования типографской техники*, и удовольствоваться знаками ... совпадающими с буквами каракалпакской латиницы для данных фонем» [Поливанов, 1933а, с. 14];

- 3) обеспечение доступности подготовки текста для печати: «*Пояснения транскрипции. В целях упрощения набора я пользуюсь не интернациональной системой ...а условной транскрипцией...*» [там же, с. 16];
- 4) обозначение особых фонетических явлений, которые не свойственны национальному алфавиту: «*Употребляя в условной транскрипции двоеточие (:) как символ долготы* (удвоения согласного звука, мы можем, транскрибировать эти окончания *тся* и *ться* следующим образом: [ц:а] *напр. драться* – в транскрипции [драц:а]» [Поливанов, 1933б, с. 137].

В каждом из пунктов видна ориентация на решение возникающих практических задач. К этому выводу можно добавить, что объяснение в п. 1 демонстрирует такой параметр когнитивного стиля, как узкий диапазон эквивалентности, а объяснение в п. 4 – полнезависимость.

СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ТРАНСКРИПЦИЯ» И «АЛФАВИТ»

В одной из работ Е.Д. Поливанов называет алфавиты некоторых из тюркских языков «транскрипциями»: «*Транскрипции Аслата*» [Поливанов, 1926, с. 6]; «В конце 1917 года уже появилось первое издание „Якутского букваря“ с этой латинской „Новгородовской транскрипцией“» [там же, с. 4] и «...на самом способе *якутского письма-транскрипции*» [там же, с. 17].

Следует отметить, что Е. Д. Поливанов полностью не отождествляет понятия «транскрипция» и «алфавит» [Поливанов, 1933а, с. 9], однако использует данное обозначение, так как видит у проведенных систем письменности общие с фонетическими транскрипциями элементы:

- 1) использование специфичных для фонетических транскрипций символов [Практическая транскрипция фамильно-именных групп, 2017].
- 2) большая ориентация на фонетический уровень языка [Поливанов, 1926].

Данные особенности терминотворчества демонстрируют нам проявление такого типа речемыслительных операций, как категориальное смещение, которое заключается в отнесении реалии к близкой, в значительной степени пересекающейся с искомой, но всё же чужой категории [Евтушенко, Ба, 2016]. В терминах М. А. Холодной можно говорить о широте категорий и широком диапазоне эквивалентности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Понятия, имеющие размытые границы, могут являться источником информации о когнитивном стиле конкретного ученого, так как они провоцируют на поиск более точного означаемого либо на уточнение границ и структуры означаемого через формулирование дефиниции.

2. Е. Д. Поливанов сыграл значительную роль в формировании термина «практическая транскрипция» и в развитии теории практического транскрибирования.

3. На основании анализа использования термина «транскрипция» и его вариаций можно

сделать вывод, что для мышления Е. Д. Поливанова характерна динамичность, практико-ориентированность и ориентация на образцы. Также мы обнаруживаем такие характерные для его стиля мышления речемыслительные операции, как детализация и категориальное смещение. Все это соответствует таким характеристикам когнитивных стилей, как полнезависимость, гибкость познавательного контроля. Нами также установлено, что характеристики узкий / широкий диапазон эквивалентности, узость / широта категорий могут варьироваться в зависимости от задач, решаемых ученым в тот или иной момент научного поиска.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004.
2. Евтушенко О. В., Ба Юйсинь. Типология речемыслительных операций, лежащих в основе словотворчества / О. В. Евтушенко, Ю. Ба // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. Вып. 17(756). С. 26-38.
3. Поливанов Е. Д. Проекты латинизации турецких письменностей СССР: К туркологическому съезду II, 1926. Ташкент: Издание Узгиза, 1926.
4. Поливанов Е. Д. О русской транскрипции японских слов / Статьи по общему языкознанию. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 236-286.
5. Андронов А. В., Симонато Е. И., Томеллеры В. С. Евгений Дмитриевич Поливанов, Абхазский аналитический алфавит. Издание текста с переводом на английский язык // Studi Slavistici XIV (2017). С. 191-252.
6. Кронгауз М. А. Транскрипция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 517-518.
7. Алпатов В. М., Аркадьев П. М., Подлеская В. И. Теоретическая грамматика японского языка. Книга 1. М.: Наталис, 2008.
8. Ермолович Д. И. Правила практической транскрипции имён и названий с 29 языков на русский и с русского на английский. М.: Аудитория, 2015.
9. Ба Юйсинь. Новые слова в современном российском политическом дискурсе когнитивный и коммуникативный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
10. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Ленинград: Издание Ленинградского Восточного Института имени Д. С. Енукидзе, 1928.
11. Турко У. И. О вариантности графического облика новых иноязычных лексем // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42): в 3-х ч. Ч. III. С. 185-187.
12. Гиляревский Р. С., Старостин Б. А. Иностранные имена и названия в русском тексте: Справочник. М.: Высшая школа, 1985.
13. Сумароков Л. И., Сумарокова О. Л. Е. Д. Поливанов. Неоконченная лингвистическая симфония. Документально-биографическая монография. Бишкек: КРСУ, 2021.
14. Практическая транскрипция фамильно-именных групп / С. Н. Аминев и др. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2004.
15. Поливанов Е. Д. Избранные труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
16. Поливанов Е. Д. Некоторые фонетические особенности каракалпакского языка: Труды Хорезмской экспедиции. Ташкент: ГИЗ УзССР, 1933а.
17. Поливанов Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент: ГОСИЗДАТ УзССР, 1933б.

REFERENCES

1. Kholodnaya, M. A. (2004). Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma = Cognitive styles. Concerning the individual mind. Saint Petersburg: Piter. (In Russ.)
2. Evtushenko, O. V., Ba Yuxin. (2016). The typology of verbal and cognitive schemes underlying the creation of words. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Obshchestvennyye nauki. Humanities, 17(756), 26-38. (In Russ.)
3. Polivanov, E. D. (1926). Proekty latinizatsii turetskikh pis'mennostey SSSR: K turkologicheskomu s'ezdu II = Latinization projects of turkic languages alphabets of USSR: provided for the second congress on typology studies. Tashkent: Izdanie Uzgiza. (In Russ.)

4. Polivanov, E. D. (1968). O russkoy transkriptsii yaponskikh slov = About the Russian transcription of Japanese words. In E. D. Polivanov, Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu. Moscow: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russ.)
5. Andronov, A. V., Simonato E. I., Tomelleri V. S. (2017). Evgeniy Dmitrievich Polivanov: The Abkhaz Analytical Alphabet. Studi Slavistici XIV, 191–252. (In Russ.)
6. Krongauz, M. A. (1990). Transkriptsiya = Transcription. In V. N. Jarceva (ed.), Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.)
7. Alpatov, V. M., Arkad'ev, P. M., Podlesskaya, V. I. (2008) Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka. Kniga 1 = Theoretical grammar of the Japanese language. Book 1. Moscow: Natalis. (In Russ.)
8. Ermolovich, D. I. (2015). Pravila prakticheskoy transkriptsii imen i nazvaniy s 29 yazykov na russkiy i s russkogo na angliyskiy = The rules of practical transcription of names for the Russian and the English languages. Moscow: Auditoriya. (In Russ.)
9. Ba Yuxin. (2017). Novye slova v sovremennom rossiyskom politicheskom diskurse kognitivnyy i kommunikativnyy aspekty = New words in modern Russian language political discourse cognitive and communicative aspects: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
10. Polivanov, E. D. (1928). Vvedenie v yazykoznaniye dlya vostokovednykh vuzov = Introduction to general linguistics for oriental studies universities. Leningrad: Izdanie Leningradskogo Vostochnogo Instituta imeni D. S. Enukidze, 1928. (In Russ.)
11. Turko, U. I. (2014). Concerning the graphical variety of new lexical units derived from foreign languages. Philology. Theory and practice, 12(42), 185–187. (In Russ.)
12. Gilyarevskiy, R. S., Starostin, B. A. (1985). Inostrannyye imena i nazvaniya v russkom tekste: Spravochnik = Foreign language names in Russian texts: reference material. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
13. Sumarokov, L. I., Sumarokova, O. L., Polivanov, E. D. (2021). Neokonchennaya lingvisticheskaya simfoniya. Dokumental'no-biograficheskaya monografiya = Unfinished linguistic symphony. Documental and biographical monograph. Bishkek: KRSU. (In Russ.)
14. Amineva, S. N. et al. (2004). Prakticheskaya transkriptsiya famil'no-imennykh grupp = Practical transcription of family name groups. Moscow: FIZMATLIT. (In Russ.)
15. Polivanov, E. D. (1991). Izbrannyye trudy po vostochnomu i obshchemu yazykoznaniyu = Selected works on oriental and general linguistics. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. (In Russ.)
16. Polivanov, E. D. (1993a). Nekotorye foneticheskie osobennosti karakalpakskogo yazyka: Trudy Khorezmskoy ekspeditsii = Concerning some phonetical peculiarities of the Karakalpak language. Materials of the Khorezm expedition. Tashkent: GIZ UzSSR. (In Russ.)
17. Polivanov, E. D. (1933b) Russkaya grammatika v sopostavlenii s uzbekskim yazykom = Russian grammar in comparison with the Uzbek language. Tashkent: GOSIZDAT UzSSR. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щепалин Максим Дмитриевич

аспирант кафедры русского языка и словесности переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Schepalin Maksim Dmitrievich

PhD student, Department of Russian
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.12.2022
24.01.2023
01.03.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication